

Сицзэ уложил его на кровать, двигаясь очень, очень осторожно, словно обращаясь с хрупким предметом.

В тот момент, когда спина Шэнь Юаня коснулась матраса, его пальцы разжали воротник Сицзэ, но тут же снова вцепились в его рукав, наотрез отказываясь отпустить.

— Послушай, разожми пальцы, я пойду возьму полотенце, — тихо уговаривал его Сицзэ.

Шэнь Юань, бредивший в жару, почти ничего не соображал и не до конца понимал слова, просто инстинктивно вцепился в этот кусок ткани, не желая позволять тому человеку уходить.

Ничего не поделаешь, Сицзэ свободной рукой стал по одному разгибать пальцы Шэнь Юаня, и каждый раз, когда очередной палец удавалось отогнуть, ему казалось, что эти тонкими пальчики царапнули его прямо по сердцу.

Он быстро направился в ванную.

Аптечку оставили в прихожей, но Сицзэ еще до прихода сюда просчитал самые разные ситуации.

В ванной он нашел полотенце для лица Шэнь Юаня, открыл кран, настроив холодную воду, полностью пропитал его и отжал наполовину.

Полотенце было светло-голубым, с напечатанным на нем мультяшным медвежонком. Похоже, это была его любимая вещь.

Сицзэ вернулся к постели с этим полотенцем-медвежонком и присел на краешек кровати.

Матрас слегка прогнулся под тяжестью его тела, Шэнь Юань почувствовал движение, придвинулся ближе к нему, не открывая глаз.

Сицзэ сложить прохладное полотенце вдвое и аккуратно положил Шэнь Юаню на лоб.

Стоило ледяному прикосновению коснуться раскаленной кожи, Шэнь Юань издал невнятное «м-м», брови его на мгновение сошлись, а затем разгладились.

Прохлада просачивалась со лба, слегка заглушая это жгучее ощущение, ему стало чуточку легче, и он весь сжался, уходя вглубь одеяла.

Сицзэ сидел на краю кровати и смотрел на него.

Лицо юноши покраснело от жара, пересохшие губы покрылись коркой, ресницы то и дело подрагивали, как крылья бабочки.

Дыхание было немного тяжелым, в голосе чувствовалась сильная заложенность носа, изредка раздавался тихий, глухой кашель.

Волосы вымокли от пота, челка прилипла ко лбу, отчего его лицо казалось еще меньше.

Сицзэ протянул руку и мягко откинул волосы со лба, кончики его пальцев коснулись влажных прядей, а затем на секунду замерли у линии роста волос, ощущая остаточное тепло кожи.

Он заметил, что Шэнь Юань неизвестно когда высунул руку из-под одеяла и свесил ее с края кровати, слегка согнув пальцы, будто пытаясь ухватиться за что-то.

Поколебавшись немного, он протянул собственную руку и указательным пальцем легко коснулся кончиков пальцев Шэнь Юаня.

Пальцы Шэнь Юаня тут же, словно на что-то среагировав, сжались и ухватили ее.

Несколько тонких белых пальцев обхватили запястье Сицзэ, большой палец прижался к его суставам, а ладонь прилегла к подушечкам пальцев.

Рука Шэнь Юаня была очень горячей, ладонь влажной, тепло передавалось через кожу рукам Сицзэ.

Сицзэ замер всем телом.

Ему случалось испытывать чужие прикосновения. Рукопожатия на светских приемах, поцелуи в щеку при встрече, дежурные любезности — ко всему этому он привык.

Но еще никто и никогда не держал его за руку вот так.

Это было проявление зависимости.

Такой абсолютно незащищенной, искренней зависимости, которая рождается именно в бессознательном состоянии.

Рука Шэнь Юаня оказалась слишком маленькой, ему едва хватило сил обхватить запястье Сицзэ. Глядя на эти пальцы, Сицзэ чувствовал, что его сердце выходит из-под контроля.

Он глубоко вздохнул, пытаясь замедлить сердцебиение.

Не помогало.

Шэнь Юань, видимо, что-то почувствовавший, сжал пальцы еще крепче и потянул руку Сицзэ в свою сторону. Потянуть не вышло, и он бросил эту затею, вместо этого принявшись тереться рукой туда-сюда о тыльную сторону ладони Сицзэ.

Это движение было столь легким, будто подушечки лап маленького котенка ступили по коже.

Кончики ушей Сицзэ начали гореть.

Его лицо по-прежнему оставалось спокойным, пожалуй, даже бесстрастным.

Но ушные раковина, начиная с краев, постепенно окрашивались в розовый, затем переходили в глубокий багрянец, и наконец мочки ушей покраснели насквозь.

К счастью, в спальне горела лишь прикроватная лампа, свет ее был тусклым, желтоватым и не слишком ярким.

Сицзэ сохранял неподвижную позу: правую руку зажал Шэнь Юань, а левая лежала на собственном колене.

Он сидел на краю кровати, и его крупная фигура отбрасывала тень на стену, занимая едва ли не половину ее площади.

Человек на кровати, закутанный в светло-голубое одеяло, казался крошечным комком, образуя резкий контраст с огромной тенью на стене.

Время шло миг за мигом.

Каждые пятнадцать минут Сицзэ пытался чуть-чуть высвободить руку, но стоило Шэнь Юаню подсознательно сжать пальцы сильнее, как он сдавался и снова позволял тому держать себя.

Когда лоб снова начинал гореть, он заново менял компресс. Также он напоил его лекарством.

Он сбегал в ванную туда и обратно не меньше десятка раз, рукава его темно-серого свитера забрызгало водой, но ему было совершенно всё равно.

Около трех часов ночи жар у Шэнь Юаня достиг пика, и он начал бредить.

— Мам... я не вернусь... я еще не дорисовал домашку... — произнес он сбивчиво, едва не плача.

Сицзэ наклонился ближе, чтобы прислушаться, но не расслышал последние фразы, уловив лишь одно слово.

— ...Очень холодно.

Сицзэ тут же подтянул одеяло повыше, укутывая плечи Шэнь Юаня.

Посчитав этого недостаточно, он бросил взгляд на изножье кровати, где на стуле лежало светло-верблюжье кашемировое одеяло.

Одной рукой он притянул его к себе, набросил поверх одеяла, а затем тщательно заправил все уголки.

Закончив с этим, он снова сел на прежнее место, а его правую руку по-прежнему держал Шэнь Юань.

В четыре часа утра температура у Шэнь Юаня начала постепенно спадать.

Лоб уже не так сильно обжигал, дыхание выровнялось и перестало быть таким частым и тяжелым, как прежде.

Он перевернулся набок, лицом к Сицзэ, свернувшись калачиком: одной рукой он все еще сжимал руку Сицзэ, а другой обнимал краешек подушки, слегка приоткрыв губы, погруженный в глубокий сон.

Сицзэ смотрел на него, скользя взглядом сверху вниз — со лба на подбородок, от ресниц к ключицам.

Он вспомнил ту дождливую ночь, когда они встретились впервые: юноша, сжавшись в комок под карнизом на улице, напоминал брошенного котенка.

В тот вечер он спрашивал себя, почему делает исключение для какого-то незнакомца.

Теперь он знал ответ.

Потому что это Шэнь Юань.

В целом мире существовал лишь один Шэнь Юань.

Было около пяти с лишним утра, рассвет еще не наступил.

Лондон за окном все еще тонул во тьме, лишь тускло желтели вдали уличные фонари.

Изредка проезжали машины, звуки их моторов доносились глухо и издалека.

Телефон Сицзэ вибрировал — пришло сообщение от помощницы с вопросом, не следует ли отменить утреннее совещание.

Левой рукой он напечатал одной рукой: «Отменить».

Отправив ответ, он положил телефон на прикроватную тумбочку и снова перевел взгляд на человека на кровати.

Ресницы Шэнь Юаня дрогнули, но он не проснулся. Его пальцы по-прежнему лежали на руке Сицзэ, и из-за спавшего жара ладонь уже не казалась такой обжигающей.

Сицзэ опустил взгляд на собственную правую руку.

На том месте, где ее сжимал Шэнь Юань, отпечатались бледные следы — их оставили пальцы, вцепившиеся с силой.

Наверное, ему следовало испытывать неудобство.

Но он ничего подобного не чувствовал.

Сицзэ Лестер, тридцати лет, наследник семьи Лестер, признанный ледяной айсберг высшего света Лондона, сидел в этот момент у кровати двадцатиоднолетнего китайского студента, зажатый маленькой горячечной ручкой, и провел без сна всю ночь.

Его уши по-прежнему оставались красными.

С двух часов ночи и до шести утра.

В десять минут седьмого небо на горизонте начало сереть.

Жар у Шэнь Юаня практически спал.

В последний раз сменив полотенце для компресса, Сицзэ протянул руку, коснулся его лба, а затем провел пальцами по шее и ладони, убедившись, что температура пришла в норму, и только после этого прислонился спиной к изголовью кровати, слегка расслабившись.

В этот момент Шэнь Юань на миг пришел в себя.

Не окончательно проснулся, а лишь вынырнул из глубокого сна в поверхностный, приоткрыв веки на узкую щелочку.

В полумраке он увидел у кровати высокую фигуру, серо-голубые глаза смотрели прямо на него, а лицо казалось до нереальности красивым.

Ему показалось, что он все еще спит.

— Господин... — хрипло позвал он, и голос его прозвучал тихо, словно писк комара.

Сицзэ опустил голову, наклоняясь ближе:

— Мм?

Шэнь Юань ничего не ответил, потому что снова провалился в сон.

Но прежде чем окончательно уснуть, его рука, державшая пальцы Сицзэ, легко сжала их.

Это усилие было столь слабым, почти невесомым — если бы Сицзэ не следил за ним неотрывно, то вовсе бы не почувствовал.

Но Сицзэ почувствовал.

Он ощутил не силу в пальцах, а то, как что-то наотмашь ударило его прямо в сердце.

Сицзэ на мгновение закрыл глаза и глубоко вздохнул.

Наступило утро.

Жар у Шэнь Юаня спал.

А вот его уши все еще не остыли.

Опустив взгляд на свернувшегося клубочком человека на кровати, он заговорил очень, очень тихо, боясь его потревожить:

— Спи спокойно, Сяо Ань. Я здесь.

Глава 9. Жар спал

Шэнь Юаню приснился долгий-долгий сон.

Во сне он вернулся на родину: мама варила кашу на кухне, а он смотрел телевизор в гостиной.

Каша была готова, мама вынесла ее и сказала: «Пей пока горячее». Он протянул руки, чтобы взять тарелку, та оказалась очень горячей, и он отдернул руки.

На этом сон оборвался.

Что-то касалось его лба. Прохладное, с легкой влажностью, похожее на вечерний ветерок посреди лета.

Шэнь Юань поморщил нос, не открывая глаз.

Это прохладное ощущение повторилось: оно переместилось со лба на щеку, легонько коснулось кожи и снова отделилось.

— Жар спал.

Голос донесся издалека, низкий и бархатистый, напоминающий звучание виолончели.

Шэнь Юань перевернулся на другой бок, зарывшись лицом в подушку, и его сознание стало постепенно всплывать на поверхность.

Он открыл глаза.

Шторы были задвинуты не до конца, и полоска утреннего света пробивалась сквозь щель, падая на пол. Уже рассвело.

Шэнь Юань моргнул, голова все еще казалась тяжелой и сонной.

Затем он увидел человека у постели.

Сицзэ не сидел на стуле у края кровати, а пристроился на нем, согнувшись.

Его крупное тело неловко сложилось на стуле, выглядя донельзя неудобно.

Верхняя половина туловища лежала на краю кровати, одна рука была подложена под голову, а другая свисала вдоль тела, почти касаясь пальцами пола.

Его поза была крайне неудобной. Этот стул был для него слишком мал, голова оказалась наклонена под странным углом, а шея и тело образовали неестественный изгиб.

<http://bllate.org/book/25586/3051647>